

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА: К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ИНДИИ И КИТАЯ*

А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин

Данная статья мониторинга посвящена систематическому рассмотрению предпосылок становления современного исламизма на Ближнем и Среднем Востоке через сравнительный анализ некоторых тенденций развития данного макрорегиона, Китая и Индии. Этот анализ представляется исключительно актуальным в рамках данного мониторинга, так как радикальный исламизм является в настоящее время мощной дестабилизирующей силой как на глобальном, так и на региональном уровне. Вместе с тем обращается внимание на необходимость различения исламизма радикального и исламизма умеренного, так как во многих исламских обществах последний выступает скорее в качестве стабилизирующей, а не дестабилизирующей силы.

Данную статью имеет смысл начать с **определения исламизма**. Исследователи единодушны в том, что нельзя ставить знак равенства между исламом и исламизмом, то есть между религиозной верой и созданной на ее базе политической идеологией. Современный исламизм – это производное от ислама, сравнительно молодая политическая идеология (но с очень древними корнями), связанная с осознанием лидерства Запада и поставленным им перед мусульманскими обществами вызовом. А в последние десятилетия она связана с исламским возрождением, особого рода модернизацией исламских обществ.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» (см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov 2016: 252; Achilov, Sen 2017: 608), что удобно, но из-за краткости не полностью верно, так как исламизм – это не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия.

Рассмотрим несколько более подробных определений исламизма. Начнем с определения Г. И. Мирского:

Исламизм – это политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой – фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира происходят от забвения основ «чистого, праведного, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества (Мирский 2015: 4).

Обратим внимание: здесь сделан упор на то, что исламизм – радикальная идеология. Во многом это верно, но лишь применительно к радикальному исламизму; действительно, самые крайние течения исламизма ставят целью преобразовать жизнь всего мира на лад истинного ислама (хотя понимание последнего очень сильно различается среди множества исламистских направлений). Вот почему до некоторой степени правомерно и такое определение исламизма (хотя и оно подходит скорее к радикальному исламизму):

Исламизм – это глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации (Левин 2014: 2).

Тем не менее нельзя упускать из вида, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты (Osman 2016: 260). Поэтому не всегда имеет смысл делать упор именно на фундаменталистском характере исламизма, а в случае умеренного исламизма, стремящегося вписаться в общество, где многие институты носят светский характер, фундаментализм отходит на задний план. И нельзя не согласиться с С. Хантингтоном (2003: 163), что «исламский “фундаментализм”, который часто воспринимается как политический ислам, является всего

лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Исламское возрождение – это основное направление, а не только лишь экстремизм, всеобъемлющий, а не изолированный процесс».

Важно подчеркнуть, что выше приведены определения все-таки скорее радикального исламизма, а не исламизма в целом, в них не учитывается существование такого исключительно важного явления, как умеренный исламизм (строго говоря, давать такие дефиниции – это в принципе то же, что и, скажем, подменять определение социализма определением ленинизма или сталинизма).

В этом плане нам представляются более удачными следующие формулировки:

Политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом (Hooper 2015).

Или:

Термин «исламизм»... обозначает форму социального и политического активизма, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна руководствоваться рядом исламских принципов. Иными словами, исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и которые стремятся реализовать это убеждение (Poljarevic 2015).

В отношении приведенных определений очень важно иметь в виду, что самими же мусульманами такие понятия, как «установленные исламом законы» или «исламские принципы», могут пониматься весьма по-разному – и здесь возможны не только радикалистские, но и вполне умеренные интерпретации. Кроме того, реальные исламисты редко фактически стремятся к перестройке в соответствии с некими исламскими принципами всего мира. Значительно чаще речь идет о перестройке в соответствии с этими принципами тех или иных мусульманских стран.

Приведем и некоторые другие определения исламизма/политического ислама:

Форма инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, которые преследуют политические цели, форма, которая «обеспечивает политические ре-

акции на сегодняшние общественные вызовы, представляя образ будущего, основы для которого опираются на реинтерпретацию концепций, позаимствованных из исламских традиций (Denoeux 2002: 61; см. также: Achilov 2016: 253; Achilov, Sen 2017: 608–609).

«Идеологический комплекс убеждений», носители которого полагают, что «у них есть что-то важное, что они должны сказать о том, как политика и общество должны быть упорядочены в современном мусульманском мире» (Fuller 2004: xi).

Необходимо отметить у некоторых исследователей склонность к тому, чтобы называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, «исламским активизмом» (см., например: Царегородцева 2017). Имеется тенденция сомневаться в существовании умеренных исламистов или даже просто отрицать его:

Дискуссия о том, существуют ли «умеренные исламисты», сложна, потому что для того, чтобы найти ответ, нужно было бы заглянуть внутрь головы предполагаемого «умеренного исламиста». Если он (или она) участвует в парламентских выборах, его можно назвать «умеренным исламистом», и, таким образом, он был «приручен»? Я утверждаю, что эти «исламисты», которые действительно приняли правила системы, в которой они участвуют, не должны называться исламистами, потому что у них больше нет желания свергнуть эту систему (Woltering 2002: 1134)¹.

Приведем и еще более сильную формулировку:

Выражение «умеренный исламизм» представляет собой оксюморон [сочетание несочетаемого]. Могут быть умеренные мусульмане, но определенно нет умеренных исламистов. Между различными исламистскими группами нет ни малейшего идеологического разрыва. Существуют богословские различия, политические различия и различные стратегии и тактика (некоторые действительно более умеренные, чем другие), но идеологически все направлены на подчинение других религий и мировоззрений и создание исламистского халифата (Bisk 2015: 132–133).

¹ Интересно, что такого подхода придерживаются не только некоторые исламоведы, но и некоторые либеральные мусульмане (см., например: Tibi 2012; 2013).

Разумеется, в науке могут присутствовать различные мнения, но, по нашему рассуждению, такой подход непродуктивен в двух планах: научном и практическом. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвиганием на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные (скажем, часть «Братьев-мусульман»² в Египте после июля 2013 г. [см., например: Ketchley 2017]), и наоборот, скажем, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы, например, соблюдать правила демократических выборов (Rajaei 2007). А такая, казалось бы, без всяких сомнений радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями (о других случаях перехода радикальных исламистов на умеренные позиции см., например: Bayat 2013; Hossain 2016; Amin 2017). На наш взгляд, необходим общий термин, обозначающий исламистов до и после их радикализации или дерадикализации, и лучший термин, чем «исламисты», здесь, кажется, сложно предложить. Иначе в случае таких трансформаций нам придется определять принадлежность одной и той же силы к исламизму ситуативно.

Кроме того, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы. Но, с другой стороны, не только эти подходы так же размыты, но и исламисты значительно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более серьезно (Kelsay 2007: 166). Многие умеренные исламисты, в том числе среди мусульманской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, это универ-

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

сальная идеология преобразования действительности (цит. по: Левин 2014: 18).

Вот почему неправильно и пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ таких попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тиби «Исламизм и ислам» [Tibi 2012; см. также: *Idem* 2013]). Более продуктивным представляется признать наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного³ (подробное обоснование этого подхода см. в следующих работах: Kurzman 1998; Denoëux 2002; Ayoob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

В заключение проведенного нами рассмотрения разных подходов к определению исламизма приведем следующие слова Д. Ачилова и С. Сена. Они отмечают, что эмпирические данные ставят под сомнение широко распространенные представления о том, что «отношение мусульман к политическому исламу единообразно. В сущности, умеренные взгляды на роль ислама в политике связаны с поддержкой политического плюрализма, верой в важность гражданских свобод и необходимость сосуществования как шариатских норм, так и светских законов. Напротив, политически радикальные исламистские взгляды ставят целью полное господство шариата, нетерпимы к демократическому плюрализму и исходят из представления о том, что исламские религиозные деятели могут принимать политические решения лучше, чем кто-то другой. Эмпирические данные также показывают, что поддержка политически умеренного (а не радикального) ислама коррелирует с более высоким уровнем образования и социального капитала... В то же время мы предполагаем необходимость дальнейшего будущего эмпирического изучения возможного скрытого варианта, который может нахо-

³ Кстати говоря, многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не «умеренным исламизмом», а «постисламизмом» (см., например: Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017). Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм в качестве разновидности умеренного исламизма, а не как нечто, качественно отличное от умеренного исламизма. Здесь примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать постисламизм как понятие, омонимичное понятию «мягкая версия исламизма» (*a softer version of Islamism*) (Hossain 2016: 214).

даться между политически радикальным и политически умеренным исламизмом» (Achilov, Sen 2017: 621).

В целом, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в исламизме, можно было бы сказать, что **исламизм** – это политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) тем или иным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни.

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом плане он тотален (и даже «тоталитарен» в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Поскольку исламизм распространен практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока (БСВ), хотя играет в них по своему влиянию различную роль, имеет смысл сформулировать идеи, которые лучше объяснят его распространенность и влияние. В некоторых случаях для того, чтобы оттенить особенности Ближнего и Среднего Востока, мы сравниваем его с Индией и Китаем. В целом в данной статье мы остановимся на историко-региональном и мир-системном контексте возникновения современного исламизма.

Государственность и исторические традиции. Ближний и Средний Восток (равно как и Китай с Индией) представляет собой очень сложную и неоднородную в разных смыслах систему, самостоятельный мир (по выражению Ф. Броделя), в меньшем объеме показывающий исключительно сложную палитру взаимоотношений своих субъектов и единиц. На первый взгляд, это особенно касается именно Ближнего и Среднего Востока, где сосуществуют множество государств и обществ с очень разной культурой и разными конфессиями, находящихся между собой порой в крайне напряженных и откровенно враждебных отношениях⁴. Однако в некоторых отношениях, например в плане языка, этничности и ре-

⁴ Подробнее о разных странах и регионах Ближнего Востока см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016.

лигии, Ближний и Средний Восток, пожалуй, выглядит куда более гомогеннее, чем, скажем, Индия, которая является одним из самых многонациональных государств мира⁵. И эта гомогенность явилась важнейшей основой для интернационализации исламизма, для того, чтобы это течение и идеология легко пересекали границы государств, делая их прозрачными.

Успехам исламизма способствует и традиционная слабость государственности на БСВ. Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации. Тогда как в Индии вследствие успешного государственного строительства, состоявшегося не в последнюю очередь благодаря длительному внутреннему миру при колониальной администрации и заложенных ею административных традициях (Кей 2011), удалось успешнее и с меньшими затратами решить многие проблемы. Таким образом, в настоящий момент уровень развития государственности в Китае и Индии в целом существенно выше, чем в большинстве ближневосточных стран, хотя вновь подчеркнем, что среди последних разброс в этом плане колоссальный. Таким образом, разница в уровне государственности во многом определяет и пути в глобализацию, и уровень успехов БСВ и стран других регионов, а также большей частью объясняет их внутренние и внешние проблемы (об особенностях политических систем и политической культуры стран Востока см.: Воскресенский 2007; см. также: Гринин, Коротаев 2007; Гринин 2010).

Одна из главных идей исламизма состоит в противопоставлении правильного, высокодуховного, высокоморального исламского общества и меркантильного, бездуховного, аморального Запада. Надо сказать, что для нелюбви к Западу у населения БСВ есть прочные исторические основания (хотя мы, в отличие от С. Хантингтона, не считаем, что эти исторические корни размежевывают цивилизации непреодолимо).

⁵ Ее населяют несколько сотен этнических групп различного расового происхождения, говорящих на языках, относящихся к нескольким лингвистическим семьям (современная индийская статистика выделяет 1562 языка). Кроме того, население, насчитывающее более 1 млрд 200 млн человек, исповедующих различные религии, раздроблено на десятки тысяч каст и подкаст (Горохов 2011).

Тем не менее, разумеется, несмотря на происходящую модернизацию (а в некоторых аспектах – благодаря ей), культурно-религиозное (идеологическое) наследие и традиции, насчитывающие от полутора до двух с половиной тысяч лет, не могут не оказывать огромное влияние на все текущие процессы и явления, тем более в странах, где большая часть населения по-прежнему малообразованна, а религия является важнейшей скрепой для формирующихся наций (как в Саудовской Аравии, странах Залива и Магриба, а также в Индии). В этом плане представляется обоснованной мысль, что верность восточного общества своей традиции вновь объединяет его в стремлении сохранить свою самостоятельность в условиях глобализации (Яковлев 2015: 6).

Если сравнивать Китай, Индию и Ближний Восток (БВ) в аспекте цивилизационном, то из трех цивилизаций ближневосточная сохраняет цивилизационные черты в наибольшей степени (возможно, это также говорит и о том, что она в культурно-модернизационном плане пока является наиболее отстающей).

Ближний Восток благодаря раннему созреванию там цивилизации, урбанизации и формированию бюрократии, относительно слабой этничности, высокой корпоративности служителей культов, влиянию кочевников и ряду других исторических особенностей создал много крупных государственных образований, но тем не менее, за исключением территорий собственно Персии и Египта (и в какой-то мере еврейских и армянских государств), прочные этногосударственные образования там не сложились. Не сложились также прочные развитые государства, которые, временно утратив централизацию, стремились бы к своему воссозданию, как это наблюдалось в Китае (см. подробнее: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2010). Напротив, после распада империй они уже не воссоздавались, а вместо них формировались иные с другой по этничности и культуре элитой, либо эти территории и вовсе становились частью иноэтничных империй.

Эта непрочность внутреннего единства территорий, входящих в государственные образования, имела место и после формирования исламских халифатов и эмиратов, бесконечно меняющих свои границы. Она не исчезла ни в результате турецкого владычества, ни во время колониального и квазиколониального господства Франции и Англии и сохранилась, по сути, до наших дней на многих террито-

риях Ближнего и Среднего Востока. Сегодня там, не считая Израиля, реально существует три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием и единством населения: Турция, Иран и Египет⁶. Что касается остальных, то в некоторых странах этот процесс внутреннего укрепления идет достаточно успешно, но в других целостность границ поддерживается главным образом в результате того, что мировое сообщество не склонно менять эти границы, хотя те или иные влияния могут изменить ситуацию. И сегодня она довольно шаткая в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии и других местах.

Таким образом, некоторые исторические традиции продолжают оказывать воздействие на мировосприятие и влияние рассматриваемых регионов на мир. Обобщая вышесказанное, очень условно можно было бы сказать, что *Ближний и Средний Восток вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. Индия сосуществует с миром, адаптируя современные влияния и трансформируя их в рамках своей мир-системы. Китай стремится создать собственную китаецентричную мир-систему, пока экономическую, концентрируя экономическую мощь за счет государственной политики и, по сути, государственной экспансии в другие регионы.*

Ближний и Средний Восток в отличие от Индии и Китая всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете послужили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе послужила причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см. Рис. 1). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация (см. Рис. 2).

⁶ При этом у Турции имеются проблемы с курдскими окраинами, которые стремятся к отделению.

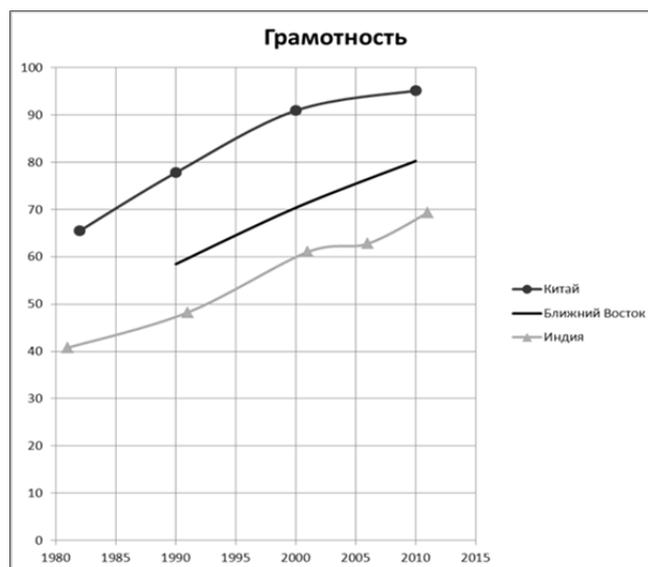

Рис. 1. Динамика грамотности, % взрослого населения
 Источник данных: World Bank 2017.

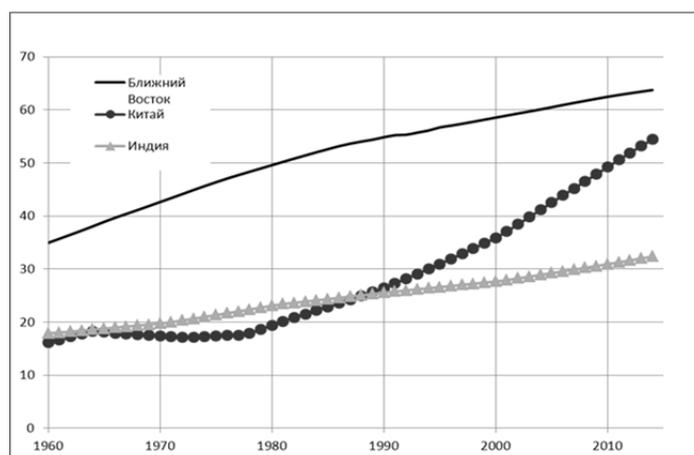

Рис. 2. Динамика доли городского населения в Китае, Индии и на БСВ, %, 1960–2014 гг.

Источник данных: World Bank 2017.

Между тем, как справедливо отмечается, исламизм – это идеология урбанизирующегося общества (см., например: Кепель 2004).

Надо отметить, что Ближний Восток уже в Средние века и раннее Новое время имел очень высокий для той эпохи уровень урбанизации, являясь едва ли не лидером Мир-Системы в этом отношении (см., например: Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2015).

Если сравнивать БСВ с Индией и Китаем в плане особенностей политических режимов, то мы видим, что относительно устойчивая демократическая система качественно отличает Индию от ближневосточных обществ (анализ особенностей индийской демократии см.: Алаев 2007). А твердый авторитарный режим Китая отличается своей крепостью от ряда ближневосточных неконсолидированных демократий. В этом одна из главных проблем, а возможно, и ловушек ближневосточных обществ, в которых значительная часть населения как будто уже готова к демократии, но в целом общество – еще нет (см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Несмотря на различия в режимах рассматриваемых регионов, все они имеют определенные важные черты сходства в том, что называется политической культурой (см. о ней: Воскресенский 2007; Стрежнева 2007; Мельвиль 2002; Коктыш 2002). В их числе – высокая роль бюрократии в обществе, по сути, ее всевластие, связанная с этим коррупция, большое влияние бюрократической верхушки на бизнес, в частности попытки установить личный контроль (через членов семьи, клана или подконтрольных людей) над наиболее важными и/или выгодными сферами бизнеса, nepotизм, стремление встать над законом и т. п. (см., например: Ефимова 2007; Сапронова 2007; Алаев 2007: 499 и др. главы коллективных монографий под редакцией А. Д. Воскресенского [2007; 2011]). Конечно, в монархических странах Арабского мира ситуация несколько иная, поскольку члены королевских семей и кланов имеют более легитимные права на контроль над бизнесом и обществом. По сути, монархические кланы составляют верхнюю страту в обществе⁷ в плане занятия высших постов, но тем не менее сходств много (см., например: Сапронова 2007; Донцов, Чурилина 2007).

⁷ В Катаре, например, правящее семейство Аль Тани вместе с родственными и союзными племенами насчитывает до 20 тыс. человек, то есть около 10 % всего коренного населения страны (Сапронова 2007: 152).

Таким образом, причин для недовольства правительством и политическими кланами у населения стран БСВ много, что также усиливает позиции исламистов, находящихся в оппозиции, и привлекательность их внешне убедительного и понятного для населения лозунга о том, что главная беда – в забвении исламских принципов «зарвавшейся» верхушкой общества.

В то же время позиции исламизма усиливаются тем, что роль государства в регулировании экономики и социальной жизни растет. Будучи слишком слабыми, чтобы противопоставить исламизму националистические идеи, многие государства БВ достаточно сильны, чтобы население возлагало на них ответственность за поддержание уровня их жизни. Отсюда политическая власть становится легкой мишенью для критики со стороны исламистов.

Почти во всех странах можно увидеть те или иные черты социального государства, хотя основания для проведения социальной политики весьма различны. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока используют нефтяные доходы для разнообразной поддержки населения, включая льготы, которые выглядят экзотически, тем самым создавая высокий уровень потребления и иждивенчества у коренных жителей региона, на которых в это время трудятся миллионы мигрантов из более бедных стран. Египет также довольно давно проводит социальную политику по ряду направлений, в частности существуют дотации на хлеб, рис, сахар, растительное масло (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2011г).

Место в Мир-Системе и формирующемся мировом порядке.

Ближний Восток, по нашему мнению, изначально был ведущим центром формирующейся Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005а; 2005б; 2007; 2008; Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012; 2013а; 2013б; 2014а). Формирование китайского и индийского центров Мир-Системы и затем объединение этих центров с ближневосточным сделало Мир-Систему афроевразийской, но главным центром ее все равно длительное время оставался Ближний Восток, пока в 1-м тыс. до н. э. ее центр не начал смещаться в сторону, с одной стороны, Европы, а с другой – Китая. С Великими географическими открытиями центр Мир-Системы, теперь уже глобальной, переместился в Европу. Но если Ближний Восток продолжал играть в мир-системных

связях достаточно важную роль, то Индия и Китай оставались далекими окраинами европоцентрической Мир-Системы, при этом не особо заинтересованными (в особенности это относится к Китаю) в развитии связей с Европой (Алаев и др. 2010; Кей 2011; Голдстоун 2014). В конце XIX – первой половине XX в. все три общества продолжали оставаться явной периферией Мир-Системы (за исключением, пожалуй, Турции), при этом в Китае и на некоторых территориях Ближнего Востока наблюдался глубокий кризис (хотя в Османской империи в этот период ситуация в целом улучшалась [см., например: Gelvin 2008; Maddison 2010]).

Ближний Восток, Индия и Китай вступали в мировые процессы в результате краха колониальных империй и роста политического значения развивающихся стран. К сожалению, это вступление повсюду было связано с военными конфликтами, в какой-то мере неизбежными, поскольку формирование новых государств всегда вызывает сложности при разделении народов и проведении границ, тем более когда такие разделы усложнены наследием колониализма, Второй мировой войны и послевоенным противостоянием социализма и капитализма.

Образование после Второй мировой войны индийского и возрождение китайского государств означало очень серьезное изменение в Мир-Системе, влияние которого постоянно нарастало и, пожалуй, будет еще увеличиваться в течение ближайших десятилетий. К этим изменениям добавилось появление целого ряда новых государств на Ближнем Востоке. Все это существенно ослабило ядро Мир-Системы, особенно бывших ее лидеров (Англию, Францию и побежденную Германию вместе с Японией). Мир (мировой порядок) стал двуполярным, формируясь по линии «социализм – капитализм». Сформировавшийся третий мир хотя и оставался периферией, в то же время стал полем битвы двух блоков. В результате и Индия, и Китай, и государства Ближнего Востока стали активно разыгрывать карту глобального противостояния США и СССР, пытаясь получить наибольшие выгоды и приобрести лучшие шансы для геополитических маневров (Лунев 2010). Китай с конца 1960-х гг. стал сближаться с США, чтобы противостоять СССР (Киссинджер 1997). Индия во времена Дж. Неру (и после него) играла ведущую роль в Движении неприсоединения, будучи в 1983–1986 гг. даже его формальным лидером (Лунев 2010), одно-

временно балансируя между СССР и США. Активное балансирование между двумя блоками наблюдалось и на Ближнем Востоке, особенно ярко – в Египте. В связи с арабо-израильским конфликтом Ближний Восток стал сдвигаться с периферии на место полупериферии. То же можно сказать об Индии и Китае. При этом у последних в связи с активным экономическим развитием данный тренд в последние десятилетия XX в. явно усилился, что (особенно успехи Китая) послужило основой для возникновения теории возвращения центра развития на Восток (см., например: Frank 1997; 1998; Arrighi 2007; Франк 2002; Арриги 2009).

Таким образом, если в Индии и Китае, равно как и ряде других стран, в результате мир-системных изменений стали усиливаться национализм и другие идеологии, так или иначе опирающиеся на национальные традиции, то на БВ (в связи с противостоянием Израилю и рядом других моментов, о которых мы еще скажем) на ведущее место в идеологии стал претендовать исламизм (после относительно непродолжительного периода доминирования на арабском Востоке идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаяев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]).

Отметим, что все три сообщества с самого начала своей послевоенной активности оказались вовлечены в глубокие конфликты. При этом, несмотря на разную историю и причины возникновения, эти конфликты до сих пор сохраняют свою остроту и актуальность. Рождение независимых Индии и Пакистана сразу же ознаменовалось войной между государствами, которая стала продолжением столкновений мусульман и индуистов, происходивших до этого в течение двух десятилетий. Впрочем, это было вызвано не только религиозно-политическим соперничеством, но и значительными различиями в политической культуре двух частей прежде единого общества. «История последующего развития Индии с устойчивыми традициями парламентаризма и Пакистана с частыми переменами власти и склонностью к военно-диктаторским режимам позволяет говорить о различии двух политических культур: преимущественно секулярной индийской и исламизированной пакистанской» (Алаев и др. 2010: 422)⁸. Напряженность отношений с Пакистаном была

⁸ Приведенная цитата, впрочем, подтверждает сказанное выше о том, что слабость государственности на Ближнем Востоке, во многом связанная с особенностями ислама (см., например: Коротаяев 1996; 2003; 2005; 2006; Коротаяев, Клименко, Прусаков 2007; Коротаяев,

и остается сегодня (несмотря на некоторое ослабление) важнейшей характеристикой внешней политики Индии, являющейся крупнейшим импортером оружия в мире (но, впрочем, стремящейся стать и его экспортером; см., например: Арманьян 2015). Китай также начал новый этап своей истории с конфликтов (особенно горячим из них была война в Корее), среди которых неурегулированность отношений с Тайванем остается миной замедленного действия. Что же касается Ближнего и Среднего Востока, то с момента образования там государства Израиль он остается одним из самых конфликтных регионов мира. Мало того, это регион, откуда терроризм распространяется по всему миру. В целом неудивительно, что почти все государства Ближневосточного региона очень большое внимание уделяют развитию армий, вооружения и военной стратегии, хотя каждое – по-разному.

В 1970–1990-е гг. рассматриваемые общества стали получать все больше выгод от глобализации (см.: Гринин, Коротаев 2016: Гл. 5). Первыми это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. Прежде внешняя торговля в этих странах не была существенной отраслью экономики, по крайней мере не отражалась на жизни основной части населения⁹. В настоящее же время по доле внешней торговли в ВВП Ближний Восток далеко обгоняет и экспортно ориентированную экономику Китая, и активно наращивающую экспорт Индию (см. Рис. 3).

Однако в целом быстрый рост экспорта и импорта в рассматриваемых странах очень хорошо показывает, насколько активно они интегрируются в глобализационные процессы (кстати сказать, все три региона активно развивают туризм).

Еще один важный показатель развития и интеграции – рост иностранных инвестиций, по которым Китай и Индия существенно

Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999; 2003; Korotayev 2000; 2003; 2004; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Korotayev *et al.* 2016), является важнейшей причиной испытываемых там трудностей.

⁹ Например, объем сделки по первой концессии на добычу нефти в Саудовской Аравии (1933 г.) между компанией «Сокол» и саудовским королем при сроке концессии в 60 лет и на территории 360 кв. миль составлял 625 тыс. долларов (55 тыс. английских фунтов), то есть на современные деньги не более 25–30 млн долларов. Но это были очень большие деньги для саудовской династии в то время (Ергин 1999: 227), не говоря уже о бедуинском населении.

опережают Ближний Восток. Впрочем, и по общим инвестициям они также явно его обгоняют (см. Рис. 4).

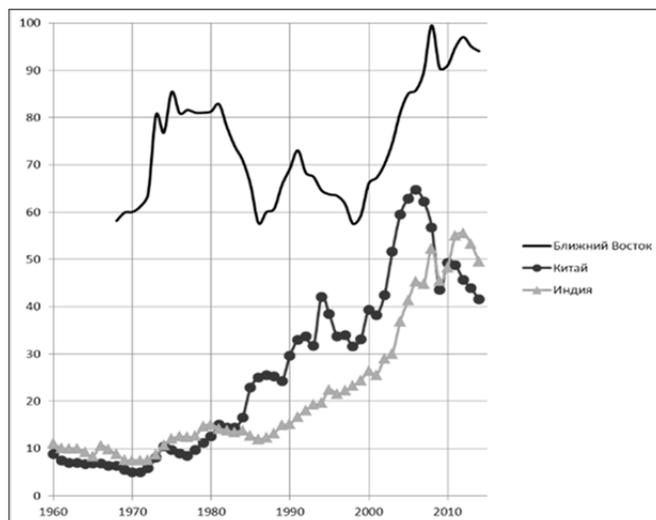

Рис. 3. Внешняя торговля, % от ВВП

Источник данных: World Bank 2017.

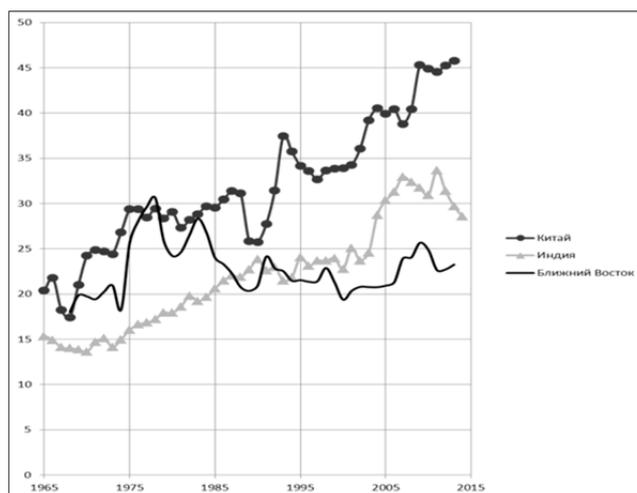

Рис. 4. Доля инвестиций в ВВП, %

Источник данных: World Bank 2017.

Несомненно, что дождь нефтедолларов оплодотворил почву, на которой уже и так активно расцветал исламизм. Имея теперь мощные финансовые официальные и неофициальные источники, это движение могло стать гораздо более сильным и массовым, используя (как это часто и бывает у склонных к радикализму движений) западные деньги против Запада и собственных правительств. Особенно же приток нефтедолларов способствовал усилению официального консервативного исламизма ближневосточных нефтяных монархий, прежде всего Саудовской Аравии.

Таким образом, мир-системная роль Китая, Индии и Ближнего Востока за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако если Ближний Восток пока в лучшем случае может претендовать на роль полупериферии, то Китай, а в более отдаленной перспективе и Индия уже начинают претендовать на роль альтернативных центров (или даже противочентров) в Мир-Системе.

Но эта периферийная и полупериферийная роль БВ в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма. Ведь, с одной стороны, экономической мощи Запада они не могут противопоставить растущую экономическую мощь не только ни одной из стран БВ, но и в целом этого региона. А с другой стороны, мусульмане традиционно не готовы признавать превосходство Запада (и христианства как его религии, поскольку многие из них все еще отождествляют Запад и христианство). Вот почему они могут противопоставить мощи Запада лишь правильность, истинность и веру в конечную победу ислама как ведущей религии мира. А основой в таком противопоставлении естественным образом является исламизм. С одной стороны, конечно, многие мусульмане завидуют богатству и успеху западных стран, а с другой – имея нефть, они не чувствуют себя бедными (не говоря уже о мироощущении жителей стран Залива) и обиженными. И именно нефть подпитывает многие тенденции БВ, включая исламизм. Ведь нефть поставила БВ в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение, соответственно повысив его самооценку.

О роли нефти. Если в XIX в. из всех видов сырья особенно важным для европейской промышленности был хлопок, несколько позже незаменимым стал натуральный каучук, то затем сырьевым товаром номер один стала нефть. Если углем европейские страны были богаты, то запасы нефти в них оказались ограниченными, причем зависимость от нефтяных поставок только росла. Борьба за нефть в рамках подъема национальных экономик и началась уже

в 1920–1930-х гг., наиболее известный ее эпизод – Мексика, национализировавшая нефтяные компании; после Второй мировой войны акты национализации были важными событиями, которые, однако, постоянно перемежались свержением правительств, стремящихся к национализации (наиболее ярким примером является история Ирана 1950-х гг.). При этом росло и значение, и самосознание стран, обладавших нефтью или другим стратегическим сырьем. Вторая мировая война показала, насколько важным является обладание нефтяными ресурсами. Поэтому уже в скором времени после войны Ближний Восток становится стратегически важным регионом. Саудовская Аравия стала ключевым фокусом для США и рассматривается как ценнейшее приобретение в области иностранных инвестиций. Неудивительно, что уже в 1950 г. президент Г. Трумэн написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором заверял, что любая угроза королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы США (Ергин 1999: 329). Таким образом, стратегическое партнерство Саудовской Аравии (и позже – стран Залива) и США начало формироваться довольно давно. 1960 год стал важной вехой в развитии нефтедобывающих стран, так как в Багдаде была образована Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Ее основателями стали Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. ОПЕК стала самой влиятельной наднациональной организацией развивающихся стран после революционного повышения цен на нефть в 1970-х и 1980-х гг., что ознаменовало начало перелома в отношениях между развитыми и развивающимися государствами. В итоге именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи впоследствии стал для целого ряда стран дорогой к росту благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. И в целом нефть превратилась в 1970-е гг. в своеобразный символ роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накоплений развивающихся стран и дали возможность проводить важные реформы в некоторых государствах, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием систем здравоохранения и т. п.

Экономическая роль Индии и Китая в мире длительное время была не слишком значительной. Зато роль Ближнего Востока стала весьма значимой уже с 1950-х гг., что привело к вмешательству западных стран в дела ряда ближневосточных государств и несколькими военными переворотам (например, в Иране в 1953 г.). Но особенно возросла роль стран Ближнего Востока с начала 1970-х гг. Пожалуй, этот регион первым среди развивающихся стран стал оказывать серьезное влияние на мировые экономические процессы. Создание ОПЕК и затем резкое повышение цен на нефть в 1973 г. (формально как реакция на наступление Израиля в Октябрьской войне 1973 г.) способствовали довольно затяжному и весьма сильному экономическому кризису в западном мире.

Окончание эры дешевой нефти положило конец тому, что называлось немецким и японским «экономическим чудом», то есть очень высоким темпам экономического роста в этих странах, а также повлекло целый ряд серьезных и разнонаправленных последствий для экономик разных стран. Так, оно не только вызвало довольно чувствительный кризис в западном мире, но и одновременно заставило западную экономику искать технологические формы экономии энергии, что способствовало многим важным инновациям, а также развитию добычи нефти в более сложных условиях.

Напомним также, что рост цен на нефть серьезно повлиял на экономику СССР и ее импортозависимость, а понижение цен во второй половине 1980-х гг. способствовало в итоге усугублению экономических проблем и распаду СССР.

В то же время приток нефтедолларов начал резко менять жизнь в нефтедобывающих странах, часть из которых не представляла, как использовать такой объем валюты. В результате произошла дальнейшая интеграция ближневосточной и мировой экономики. Во-первых, полученные нефтедоллары стали вкладываться в западную (особенно американскую) финансовую систему, что, кстати, позволило США в дальнейшем замораживать счета тех или иных неугодных стран или персон. Во-вторых, активизировались инвестиции в развитие инфраструктуры и других объектов в этих странах, что принесло крупные заказы западным фирмам. В-третьих, усилилась роль государств и государственных компаний в нефтедобывающих странах (в некоторых случаях это сопровождалось национализацией имущества западных корпораций, как в Ираке в 1972 г.). В-четвертых, открылся важный путь к подъему

и новых развивающихся стран, в которых стали находить и разрабатывать нефть, – в Южной Америке, Африке, Азии (одновременно усилились поиски нефти на различных территориях). Бесспорно, подъем цен на энергоносители внес существенный вклад в начало Великой конвергенции (Коротаев 2013; 2014; 2015а; 2015б; 2015в; 2016; Коротаев и др. 2014; Гринин, Коротаев 2016: Гл. 5; Коротаев, Гринин 2017; Korotayev *et al.* 2011а; 2011б; 2012; Korotayev, Zinkina 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2014а; 2014б; 2015). В-пятых, конечно, надо отметить резкий рост импорта оружия в страны Ближнего Востока, усилившийся после войны в Заливе 1991 г.

Государства Персидского залива, а также некоторые другие нефтедобывающие страны в этом и других регионах (такие как Ливия или Бруней) из бедных стали превращаться в богатые, в страны-рантье, а поскольку исламская идеология требовала делиться с бедными и не позволяла игнорировать мнение коренных жителей, то и население некоторых прежде бедуинских стран стало жить на правах рантье. Это был один из немногих пока случаев в новейшей истории, когда бедные развивающиеся страны стали иметь ВВП, сравнимый с развитыми государствами. В частности, сегодня пять из шести стран Персидского залива входят в число 30 государств мира с самым высоким ВВП на душу населения (Вишневский, Денисенко 2016). Это не могло не укрепить позиции монархических режимов и диктаторов¹⁰. ОПЕК стала одной из важнейших экономических организаций в мире.

Изменение уровня жизни в нефтедобывающих странах Ближнего Востока существенно повлияло на их демографию, но также и создало (возможно, впервые в отношении развивающихся стран) довольно большой миграционный поток из соседних бедных мусульманских стран в государства Залива и некоторые другие нефтедобывающие страны.

Хотя исламский фундаментализм и терроризм существовали и до взрывного роста цен на нефть, нет никакого сомнения, что избыток нефтяных средств создал для него весьма питательную почву. Сначала терроризм носил в основном антиизраильский характер (но не забудем о покушении на Г. А. Насера в 1954 г. и убийстве А. Садата в Египте в 1981 г., о курдских террористах), затем его масшта-

¹⁰ Но отметим, что события Арабской весны показали: монархические режимы все-таки являются более легитимными и потому более прочными, чем квазидемократические непоследовательно авторитарные режимы, хотя, бесспорно, изменение ситуации с нефтью может повлиять и на прочность монархий (Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012).

бы выросли, захватив Россию, США, потом сами страны Ближнего Востока, а в настоящее время и Европу. Светские правители не в состоянии сдерживать терроризм, но в то же время часто тайно или явно поддерживают соответствующие организации.

Агрессивный исламизм и терроризм, безусловно, будут сдерживать развитие стран Ближнего Востока в течение еще длительного времени, тем более что рождаемость в ряде стран по-прежнему достаточно высокая, а доля молодежи в населении («молодежный бугор») также весьма высока (хотя и идет на спад). Но можно надеяться, что постепенное снижение рождаемости, рост образованности населения и показателей культурно-гуманитарного развития будут способствовать снижению агрессивности в обществе.

Модернизация и религия. Несомненно, что основная масса населения сохраняет верность привычным идеологическим конструкциям, роль которых, если учесть слабость национализма на БВ (в особенности после упадка влияния идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017г]), выполняет религия или политизированная религиозная идеология – исламизм. Стоит уточнить, что даже на Ближнем Востоке роль нерелигиозной идеологии временами может быть заметной. Так, в начальный период Арабской весны впереди была именно идеология – секуляристского меньшинства. А. И. Яковлев также верно характеризует некоторый дуализм восточных обществ, связанных с модернизацией, указывая, что в современных восточных обществах есть два течения: современное модернизированное, к которому относятся вестернизированная интеллигенция и средние городские слои, и модернизированное традиционное, социальной опорой которого являются те же слои образованных людей, а также полуобразованная масса населения. Для последней характерна верность общинному сознанию, когда политическое поведение и отношение людей к государству определяется не идеями, а их традиционной идентификацией (национальной, религиозной, а также стремлением к спокойной жизни [Яковлев 2015: 326–327]). Действительно, это верное наблюдение, и оно объясняет ситуацию раздвоенности (вообще свойственную модернизирующимся обществам) во многих странах Ближнего Востока (в том числе проявившуюся в результатах выборов периода Арабской весны)¹¹.

¹¹ Это сложное взаимоотношение между городским средним классом и сельскими жителями в модернизирующихся обществах на разных этапах модернизации хорошо анализирует С. Хантингтон (2004).

В существенной мере это относится и к Индии, но все-таки там в связи с достаточно длительными традициями выборов и демократии участие масс в выборах приучает их к следованию за определенными партиями и лидерами, а не только к их идентификации (точнее, идентификация сливается с партийной привязанностью). Это в существенно меньшей степени верно для Китая, где нация более сплочена, а роль государства традиционно очень велика.

Попробуем сформулировать тезис в отношении роли религии и идеологии в рассматриваемых обществах, а затем проиллюстрируем его.

Роль религии на Ближнем Востоке колоссальна, она – ведущая парадигма во всех сферах жизни. Роль религии в Индии меньше, чем на Ближнем Востоке, но она очень велика, причем не только в частной жизни, но и в политике, становлении идеологии национализма, истории формирования современной Индии. Роль идеологии в Китае велика, но это не постоянная идеология. Она существенно или радикально меняется в результате изменения государства, оставляя, правда, незначительно меняющийся архетип: идеология империи и императора, всемогущества и правоты государства, основ конфуцианства в отношении к старшим, властям, приказам и к трудовой этике.

И. М. Дьяконов отмечал, что для древних обществ была характерна идеология ритуально-магического типа, не требующая догматической исключительности, а для средневековых обществ – религиозная идеология ритуально-этического типа, не допускающая отклонений от догмы (Дьяконов 1971: 144). Однако в результате Реформации ситуация в Европе изменилась. Как недвусмысленно сформулировал это Т. Гоббс, «в христианском государстве никто, кроме суверена, не может знать, что есть и что не есть слово Божие» (Гоббс 1965: 464). Недаром же в период Реформации XVI в. в Германии родился знаменитый принцип «Чья земля – того и вера», то есть население княжества должно либо исповедовать ту религию, какой придерживается князь, либо мириться с ограничениями прав.

Однако в Арабском мире на протяжении заметной части его истории политическая система включала в себя принцип теократии, то есть халиф считался наместником посланника Бога (или даже просто Бога) на земле, хотя, конечно, реально он вмешивался в религиозные дела нечасто и при таком вмешательстве мог порой получить отпор со стороны духовенства. При этом большую часть Средневековья (особенно в мамлюкском Египте) халифы имели

в значительной мере ограниченный объем политической власти либо их политическая власть распространялась на крайне ограниченную территорию (как при поздних Аббасидах). Фактически религия, а вместе с ней в значительной мере и общество получили большую автономию от политической власти, поскольку та обычно не могла вторгаться в целый ряд областей жизни, включая многие отрасли права (см., например: Большаков 1984; Hodgson 2009). Только в некоторых случаях верховная власть претендовала на реальное первенство над религией¹². Фактически такая религиозно-гражданская автономия сохраняется и сегодня во многих арабских (и некоторых других исламских) странах, особенно в государствах Залива, что существенно затрудняет проведение объективно давно назревших реформ в правовой сфере, в области положения женщин и т. д., а также способствует интернационализации исламского фундаментализма и терроризма. При этом фундаментализм и терроризм являются одними из самых заметных глобальных влияний Ближнего Востока на остальной мир.

Таким образом, в отношении Ближнего и Среднего Востока функции религии исключительно велики и разнообразны, пожалуй, нигде они не были столь широки, как в исламе. Религия заменяла политические скрепы и право и до сих пор в некоторых отношениях продолжает их заменять (особенно это относится к некоторым отраслям права во многих ближневосточных странах). Как справедливо отмечал Е. М. Примаков (2006: 16), ни один арабский лидер не мог игнорировать традиционную глубокую религиозность населения, и даже Арабская весна вновь это подтвердила (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Религия сильна именно на низовом уровне, поскольку особой церковной организации не существует. В этом плане ислам, с одной стороны, объединяет Ближний Восток, а с другой – отгоражи-

¹² Так было, в частности, в Турецкой империи (и то не всегда). Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало иерархическую организацию профессиональных служителей религии с четким обозначением функций и должностей (см.: Иванов, Орешкова 2000: 77; Мейер 1986; Ацамба 1987: 210–211). Также в Турции (и в некоторых провинциях этой империи, например в Египте), в отличие от арабских халифатов, формируется духовное сословие улемов, которое в основной своей части тем или иным способом (официально или фактически) включается в состав государственного аппарата. Такая ситуация способствовала проведению светских реформ в Турции в XX в., хотя и в этой стране влияние ислама очень велико.

вает его в плане внешнего воздействия. Ислам в отличие от индуизма гораздо сложнее адаптирует внешние влияния¹³.

Роль религии в Индии сильна традиционно, достаточно там и религиозного фанатизма (тем не менее изменения есть и в этом плане)¹⁴. Индуизм был одним из важнейших стержней национально-освободительного движения (см., например: Юрлов, Юрлова 2010; Горохов 2011; Станкевич 2011), идеологом которого выступал Махатма Ганди, создавший на базе индуизма этико-политическую философию. Махатма заслуженно считался святым. Но стремление к тому, чтобы сделать из правителя святого или божество, долго сохранялось среди значительной части простого народа Индии. Социальная сила религии в этой стране велика и потому, что освящает традиционное социальное деление на касты (Клюев 2002).

Китай, как уже было сказано, всегда развивался, имея ту или иную государственную идеологию (религия играла подчиненную роль и потому была неразвита). При этом наблюдаются периодические перемены в отношении к разным религиям и идеологиям, особенно при смене тех или иных династий или режимов. Тем не менее наибольшее влияние на традиции, менталитет и политическую идеологию оказало конфуцианство, которое было тесно связано с политическим устройством Китайской империи (Эйзенштадт 1999: 179).

Таким образом, особая и сохраняющаяся роль религии на БСВ является важнейшей основой для роста исламизма, который может быть рассмотрен не только как политизированный ислам, но и как идеология реформированного (на особый лад) ислама.

Геополитика. Ближний Восток, Китай и Индия с послевоенного времени играли немалую роль в глобальной геополитике. Одна

¹³ Стремление равняться на Запад и одновременно бороться с ним в исламе чувствуется, возможно, как ни в какой другой идеологии. Но эта двойственность была заметна довольно давно. Вот что писали по этому поводу французские историки 90 лет назад: «...при всяком умственном движении в мусульманском мире приходится считаться с двумя факторами, приводящими к одному и тому же результату: с бессознательным подражанием Европе, с одной стороны, и с желанием бороться против Европы – с другой, вооружить исламизм, чтобы дать ему возможность бороться равными силами. В конце концов, исламизм стремится стать либеральным, чтобы защищаться от либерализма, и преобразуется из чувства самосохранения; этим объясняется, почему в этом обновлении мусульманских доктрин главными деятелями являются ученые мусульманской церкви, очень привязанные к своей религии и имеющие большую склонность отождествлять с нею свою национальность» (Каэн, Метен 1939: 12–13). Указанная двойственность весьма наглядно проявилась в Иране.

¹⁴ Согласно изысканиям, проведенным сетью «Всемирное исследование ценностей» в 2005–2008 гг., 44 % индийцев посещают богослужения хотя бы раз в неделю. Уровень религиозности в целом в Индии существенно выше, чем в Китае, Европе и даже США, но меньше, чем в мусульманских странах на Ближнем Востоке (Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев, Столярова, Халтурина 2012; Фергюсон 2014: 356–357).

из главных осей проходила в рамках соперничества сверхдержав США и СССР, капитализма и социализма, которое продолжалось на фоне внутрорегиональной борьбы (о внутрорегиональной борьбе на Ближнем и Среднем Востоке см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016)¹⁵. Естественно, нефть также играла важнейшую роль, о чем свидетельствует ряд переворотов в Иране, Ираке и других странах Ближнего Востока. США в рамках своей общей стратегии активно превращали страны этого региона в плацдарм для окружения СССР и создания военных баз, военных блоков. С Саудовской Аравией они установили довольно тесное стратегическое партнерство еще в годы Второй мировой войны (Ергин 1999), которое после нее еще более укрепилось. Однако начиная с революции в Египте 1952 г. и в связи с арабо-израильской конфронтацией (где США и Запад поддерживали Израиль) страны Ближнего Востока стали лавировать между США и СССР, переходя из одного лагеря в другой (ярким примером является Египет [см., например: Flower 1972; Vatikiotis 1992; Daly 1998; Marsot 2004]). Этому также в немалой степени способствовали нефтяные шоки, устроенные странами ОПЕК в 1970-е гг. В период 1950–1970-х гг. в жизни арабских стран (особенно Египта) огромную роль стала играть идеология панарабизма (Яковлев 2015: 325), своеобразного арабского национализма (объединяющего большинство арабских стран), чему благоприятствовал арабо-израильский конфликт (см., например: Khalidi 1991; Tibi 1997; Dawisha 2016). Огромную роль в развитии и популяризации этой идеологии сыграл президент Египта Г. А. Насер. Позже в связи с поражением арабских националистов в 1967 г. в войне с Израилем, переориентацией Египта при А. Садате на США и рядом других обстоятельств эта идеология ослабела (см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в). В 1980-е гг. позиции СССР на Ближнем Востоке пошатнулись, а в связи с распадом Советского Союза стали и вовсе слабыми. Это сделало возможным резкое усиление присутствия США в регионе (особенно после первой войны против Ирака в 1990–1991 гг.), однако не принесло странам какой-либо заметной пользы (за исключением, на какое-то время, арабской Палестины), вызвало много

¹⁵ Для Ближнего Востока важнейшей осью оставался арабо-израильский конфликт, который длительное время был в значительной степени также частью глобального столкновения социализма и капитализма, но позже (после распада СССР и начала поддержки палестинцев Западом) этот аспект в нем исчез. Тем не менее арабо-израильский конфликт сохранял свое центральное значение в Ближневосточном регионе вплоть до Арабской весны, в результате которой он утратил прежнее значение.

кризисов, в том числе в связи с вторжением в Афганистан и Ирак, ростом напряженности в отношениях с Пакистаном и экспансией «Аль-Каиды»¹⁶.

Однако с 2009 г. США, следуя концепции Б. Обамы на сворачивание присутствия в Ираке и на Ближнем Востоке (в том числе для усиления их присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе), пытались уменьшить свою активность в регионе (и соответственно свои затраты) (см., например: Phillips 2016). Идея оказалась явно несвоевременной и контрпродуктивной в связи с начавшейся вскоре Арабской весной, в ходе которой США отказались хоть как-то помочь своим союзникам (режимам в Египте и Тунисе), по сути, предав их, так как поддались гипнозу важности распространения демократии во что бы то ни стало. Кроме того, они поддержали идею свержения крепких и стабильных режимов в таких странах, как Ливия и Сирия. Идея исходила от Саудовской Аравии, в которой, по-видимому, считали (и не без некоторых оснований), что чем меньше стабильных режимов останется в регионе, тем сильнее будут ее собственные геополитические позиции (*Ibid.*). В итоге США абсолютно не справились со своими задачами в регионе, превратив его в зону с конфликтностью в несколько раз большей, чем до Арабской весны (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

В результате попыток свести концы с концами и решить внутривнутриполитические задачи повышения рейтинга Обамы и Демократической партии Соединенные Штаты повели себя неадекватно и в отношении наиболее стратегических и давних своих союзников – Израиля и Саудовской Аравии, начав (и успешно завершив) переговоры с Ираном по его ядерной программе. Ослабление присутствия США позволило России вновь вернуться на Ближний Восток в качестве важнейшей силы.

В настоящее время Ближний Восток превратился в арену соперничества, включая и военное, помимо местных сил (таких как курды или хуситы в Йемене), Турции, Ирана, Саудовской Аравии, России, Евросоюза, США, Китая, Катара и др. По сути, в этом регионе завязался тугий узел мировых противоречий (и мирового терроризма новой генерации), где все действуют в собственных интересах (часто далеких от интересов стран Ближнего Востока) и где не видно приемлемого выхода из сформировавшегося тупика.

¹⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

Ближний Восток окончательно превратился в наиболее конфликтный регион мира (Коротаев и др. 2016). По-видимому, он будет таким еще довольно длительное время. Но возможно, что именно это и даст ему впоследствии импульс для изменений, а позже – для постепенного размежевания между политикой и религией, а также трансформации ислама в более способствующее эффективной модернизации русло.

Бесконечные изменения внешней политики США значительно усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке и могут привести к хаотизации в еще большей степени. Так или иначе, в конце 2015 г. соглашения по иранской ядерной программе были подписаны, Иран принял ограничения, а санкции с него начали постепенно сниматься. Но этот процесс, видимо, будет непростым (существенно зависящим и от позиции США в определенный момент, и от позиции Ирана, а равно от обстановки на Ближнем Востоке и в мире). Последние события, связанные с продлением иранских санкций Конгрессом США и позицией Д. Трампа по Ирану, подтверждают сказанное.

Таким образом, вся геополитическая история БВ после Второй мировой войны способствовала исламскому возрождению, подъему исламизма, который одержал серьезные победы на идеологическом фронте. Также постоянный интерес США к противостоянию с Ираном, поддержка террористических групп и моджахедов, вмешательство их во внутренние дела многих стран, поддержка ими как Израиля, так и режимов Залива, их интервенции в ближневосточные страны и многое другое – все эти метания и колебания политики США по поводу БСВ сделали Соединенные Штаты мишенью для постоянной критики, идеологическим жупелом для верующих, тем самым усилив антизападничество как краеугольный камень радикального исламизма (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Миграции как социальный источник радикальной исламистской идеологии играют важную роль на Ближнем Востоке. Так, почти 40 % населения всех шести стран Персидского залива (а в Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах соответственно 75 % и 95 %) составляют трудовые мигранты (их более 23 миллионов). В подавляющем большинстве мигранты, преимущественно из стран Южной Азии, выполняют тяжелые и малооплачиваемые работы невысокой квалификации в строительстве, промышленности и домашних хозяйствах коренных жителей. Труд их охраняется недостаточно, относительно часты несчастные случаи и случаи со

смертельным исходом. Мигранты занимают нижние этажи социальной иерархии и подчинены коренному населению. Они не включены в систему социального страхования, полностью зависят от работодателя, у которого, как правило, хранятся их паспорта (см., например: Вишневыский, Денисенко 2016).

Другая волна миграции направлена в США и страны Европы, она тоже весьма немалая (если учитывать достаточно длительную турецкую эмиграцию в Германию) и гораздо более «громкая». В 2015 г. она превратилась в общеевропейскую и даже мировую проблему, когда нелегальные мигранты с Ближнего Востока (особенно из Сирии, Ирака и Афганистана) буквально хлынули в Европу. Но и в целом арабская диаспора в странах Европы (особенно во Франции, Испании, Бельгии) оказывает ныне очень существенное влияние на всю социальную и экономическую жизнь этих стран (вкуне с эмигрантами из других стран Юга тем более заметное). Это также усиливает угрозу терроризма и конфликтность в обществе.

В целом в настоящее время доля мигрантов-мусульман в общей численности международных мигрантов составляет 27 %, это означает, что около 60 млн мусульман (4 % глобальной мусульманской популяции) в мире живут за пределами стран своего происхождения (для сравнения, показатели миграционной активности христианского населения мира составляют соответственно 49 % и 106 млн [Горохов 2015: 21]). Таким образом, доля мигрантов-мусульман примерно соответствует доле адептов ислама в населении мира. Больше всего мусульман-эмигрантов происходит из Палестины (5 млн), далее следуют Пакистан, Индия и Бангладеш – примерно по 3 млн человек. По численности мусульманского населения, родившегося за границей, лидируют Саудовская Аравия (5,6 млн), Россия (4 млн), Германия, Франция и Иордания (по 3 млн каждая). В нефтяных арабских монархиях Персидского залива проживают около 11 млн мусульман, родившихся за пределами этого региона. Таким образом, большая часть родившихся за границей мусульман живет сейчас в Европе и на Ближнем Востоке (Pew Research Center 2012).

Исламизм умеренный – скорее социальный феномен внутренней жизни, радикальный исламизм – скорее феномен нарушенной жизни общества, результат интервенций, борьбы с интервентами, а равно миграций и т. п. Недаром наибольший процент терроризма приходится на общества, испытавшие войны и лишения, оккупацию (как Палестина), противостоящие оккупантам, враждебным

странам (как Израиль) или создавшиеся на территориях, так или иначе получивших импульс к этому в результате оккупации (как «Талибан», «Аль-Каида», ИГИЛ¹⁷).

Международное влияние и исламизм. Если не рассматривать конфликты с соседями, то до последних десятилетий XX в. влияние Индии было связано с ее ролью в Движении неприсоединения и попытками лавировать между США и СССР (в какой-то мере здесь угадывалось традиционное восприятие Индией внешних влияний как таких, которые надо адаптировать и синтезировать в русле своего менталитета). А роль Китая была вызвана его нежеланием долго существовать в орбите чужого влияния и началом его противостояния с СССР, в то же время оставаясь закрытым для мира (здесь также можно увидеть отголоски традиционного китаецентричного видения внешнего мира). Роль Ближнего Востока оказалась связана с нефтью, антисионизмом, исламским фундаментализмом и терроризмом. Попытки заигрывания с социализмом были прекращены, а вот идеология борьбы с Западом, антиамериканизм, несмотря на активное влияние США и их сотрудничество со многими ближневосточными режимами, в целом сохраняется и периодами резко обостряется, поскольку является очень благодатной идеологической подпиткой для фундаментализма и терроризма (особенно после того, как распался СССР). Впрочем, США и сами во многом возвращали этот терроризм.

В результате повышения цен на нефть и возникшего экономического кризиса Соединенные Штаты (после того, как ими были отброшены идеи насильственного вмешательства в политику нефтедобывающих стран) стали активизировать сотрудничество с этими государствами. В итоге возникло стратегическое партнерство США и стран Залива, особенно укрепившееся в результате войны 1991 г., когда Ирак попытался захватить Кувейт. Были также созданы договоренности о повсеместной торговле нефтью только за доллары, что укрепило позиции доллара, пошатнувшиеся в результате девальвации начала 1970-х гг. и отказа от золотого стандарта. И в целом США стали активно укреплять свои позиции на Ближнем Востоке, в частности организовав Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем в 1979 г. Позиции Соединенных Штатов еще более укрепились в результате ухода с Ближнего Востока СССР. Однако

¹⁷ Деятельность данных террористических организаций запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

в последние годы США сами попытались уйти с Ближнего Востока (в результате неудач в Ираке и Афганистане и попыток переориентации в сторону АТР). Однако их курс, направленный на свержение политически крепких режимов, как и попытки ухода, только усугубили хаос (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

В настоящее время на Ближнем Востоке происходит усиление соперничества региональных держав (Турции, Ирана, Саудовской Аравии); это может привести к тому, что военно-политический хаос станет долговременным.

Таким образом, быстрый рост нефтедобычи и цен на нефть на Ближнем Востоке оказал очень существенное влияние на многие страны мира, их экономику и политику. Однако, несмотря на продолжающуюся модернизацию стран Ближнего Востока, в целом они не смогли перерастить уровень провинциальных стран, продолжая влиять на мир (и потрясать его) в основном по-прежнему скачками цен на нефть, конфликтами и терроризмом, опирающимся на исламский фундаментализм. Только в результате Арабской весны уровень конфликтности, как и нестабильности, в регионе принял небывалые масштабы (см.: Там же; Коротаев и др. 2016). Имеет значение и финансовая составляющая влияния на мир Ближнего Востока, хотя до сих пор она и не проявляла себя достаточно сильно (но, возможно, проявит в будущем, см. ниже).

Итак, Ближний Восток, несмотря на модернизацию, не особенно заметно изменил свое место в мировом экономическом разделении труда, в чем-то энергетический сектор даже усилился. Увеличивается добыча нефти, в том числе в странах, где ее ранее добывали меньше, расширяется газодобыча, созданы предприятия по переработке нефти, а также развиваются технологии по сжижению газа. В числе реальных изменений следует отметить быстрый рост туристического бизнеса, который стал очень важным для Турции, Египта, Туниса, ОАЭ, частично для Израиля и Марокко, но не для всех стран региона. Правда, в последние годы в связи с Арабской весной, ростом терроризма и другими проблемами эта отрасль столкнулась с трудностями. В рамках самого Ближнего Востока существует определенное разделение труда (так, Египет был центром образования и туризма для стран Залива, хотя рост образования наблюдается и в них [Коротаев, Юрьев 2018]). Государства Залива пытаются диверсифицировать свою экономику, но до этого еще далеко. Наиболее развитая экономика у Израиля, за ним следуют Турция, Иран, Египет, Алжир, Тунис, Марокко. Существен-

ных успехов удалось добиться в сельском хозяйстве многих стран региона (в том числе за счет ирригации и использования более продуктивных сортов растений). Сельское хозяйство в заметной степени удовлетворяет потребности растущего населения, однако в отношении зерна и ряда других продуктов импортозависимость (с учетом туристического сектора) Египта, Туниса и некоторых других стран растет. И эта зависимость в 2010–2011 гг. сыграла важную роль в распространении социальных протестов, поскольку именно в данный период имел место рост цен на продовольствие (так называемая вторая волна агфляции), что вызвало сильное социальное недовольство (Коротаев и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Акаев *et al.* 2012).

Но в целом Ближний Восток, как уже было сказано, остается прежде всего регионом, который занимает важнейшее место в производстве и экспорте энергоносителей. И это несомненно подпитывает исламизм и его радикальное крыло, поскольку более тесная и гармоничная интеграция в мировое разделение труда способствовала бы развитию других идеологий и смягчению радикализма.

Библиография

- Алаев Л. Б. 2007. Политическая система и политическая культура Индии. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 484–507.
- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. 2010. *История Индии*. М.: Дрофа.
- Арманьян Н. 2015. Роль Индии в противостоянии США, России и Китая. *ИноСМИ* 9 февраля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.
- Арриги Дж. 2009. *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век*. М.: Ин-т Гайдара.
- Ацамба Ф. М. 1987. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX в.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». С. 203–219.
- Большаков О. Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.* М.: Наука.
- Вишневский А., Денисенко М. 2016. *Миграции в глобальном контексте*. Пленарный доклад на XVII апрельской конференции ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2016/reports>.

- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2007.** *Политические системы и политические культуры Востока*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2011.** *Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы*. М.: Аспект Пресс.
- Гоббс Т. 1965.** *Левиафан. Избранные произведения*: в 2 т. Т. 2. М.: Наука.
- Голдстоун Д. 2014.** *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Горохов С. А. 2011.** Религиозный фактор в политической жизни современной Индии. *Вестник Адыгейского гос. ун-та* 2: 104–110.
- Горохов С. А. 2015.** География ислама в современном мире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. I / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007.** Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 49–101.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Донцов В. Е., Чурилина Т. А. 2007.** Политические системы монархий Аравийского полуострова. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 185–231.
- Дьяконов И. М. 1971.** Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока* / Ред. Г. Ф. Ким. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры. С. 127–146.
- Ергин Д. 1999.** *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М.: ДеНово.
- Ефимова Л. М. 2007.** Особенности политической культуры современного Востока. *Политические системы и политические культуры Востока* /

Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 118–136.

Иванов Н. А., Орешкова С. Ф. 2000. Османская империя в XVI–XVII вв. *История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв.* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: Вост. лит-ра. С. 67–98.

Игнатенко А. 2004. *Ислам и политика.* М.: Ин-т религии и политики.

Каэн Л., Метен А. 1939. Турция. *История XIX века:* в 8 т. Т. 8 / Ред. Э. Лависс, А. Рамбо. М.: ОГИЗ, Гос. соц.-эконом. изд-во. С. 5–13.

Кей Д. 2011. *История Индии.* М.: АСТ: Астрель.

Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия.* М.: Ладомир.

Клюев Б. И. 2002. *Религия и конфликт в Индии.* М.: ИВ РАН.

Коктыш К. Е. 2002. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития. *Полис* 4: 6–17; 5: 20–33.

Коротаев А. В. 1996. Возникновение ислама: социально-экологический и социально-политический контекст. *Человек и природа: проблемы социоестественной истории* 8: 48–50.

Коротаев А. В. 2003. Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества* 7(155): 14–24.

Коротаев А. В. 2005. Мировые религии как фактор социальной эволюции цивилизаций Старого Света. *История и синергетика: Методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 119–138.

Коротаев А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.

Коротаев А. В. 2013. Структура современной глобальной конвергенции: количественный анализ. *Эконометрические методы в исследовании глобальных процессов* / Ред. А. А. Петров. М.: Анкил. С. 101–111.

Коротаев А. В. 2014. Великая дивергенция, Великая конвергенция и глобальный демографический переход. *Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка?* / Ред. В. М. Бондаренко. М.; Волгоград: Международный фонд Н. Д. Кондратьева – Учитель, 2014. С. 39–51.

Коротаев А. В. 2015а. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.

Коротаев А. В. 2015б. Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Социофизика и социоинженерия* / Ред. Ю. Л. Словохотов. М.: МГУ. С. 16–17.

- Коротаев А. В. 2015в.** Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 44: 97–102.
- Коротаев А. В. 2016.** Великая дивергенция и великая конвергенция как фазы процесса модернизации. *География мирового развития*. Вып. 3: сб. науч. тр. / Ред. Л. М. Синцеров. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 49–60.
- Коротаев А. В., Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Фоломеева Д. А. 2014.** О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета*. Серия 27: *Глобалистика и геополитика* 3–4: 74–82.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 252–308.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.

- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст.* М.: ОГИ.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005а.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны).* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005б.** Компактная математическая макро модель технико-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 6–48.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2008.** Компактная математическая модель экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *Экономика и математические методы* 44(4): 90–101.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Херн У. Д., Куликова Е. Д. 2016.** Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 22–126.
- Коротаев А. В., Столярова Т. И., Халтурина Д. А. 2012.** Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 18–27.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* /

- Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.
- Коротаев А. В., Юрьев С. Е. 2018.** К системному анализу количественных показателей развития образовательных систем арабских стран. *Восток 1* (в печати).
- Левин З. И. 2014.** *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.
- Лунев С. И. 2010.** Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета* 1: 189–201.
- Мейер М. С. 1986.** Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII – XVIII в. *Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы* / Ред. С. Ф. Орешкова. М.: Наука. С. 155–185.
- Мельвиль А. Ю. (Ред.) 2002.** *Категории политической науки*. М.: МГИМО.
- Мирский Г. И. 2015.** Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015*. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
- Примаков Е. М. 2006.** *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)*. М.: Российская газета.
- Сапронова М. А. 2007.** Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 138–184.
- Станкевич Г. В. 2011.** Религия как актор политического процесса традиционного востока (на примере Индии и Шри-Ланки). *Власть* 10: 160–163.
- Стрежнева М. В. 2007.** Политическая культура: абстрактное представление о неявной реальности. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 45–54.
- Фергюсон Н. 2014.** *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: CORPUS.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука. С. 192–203.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2016.** Ислам, Партия арабского социалистического возрождения и сирийские конституции 1973 и 2012 гг. *Право и управление. XXI век* 2(39): 40–46.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017а.** Ислам и йеменские конституции: опыт сопоставительного анализа. *Азия и Африка сегодня* 5: 43–48.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017б.** К периодизации политических процессов интеграции на арабском Востоке во второй половине XX в. *Общество: политика, экономика, право* 11: 32–36.

- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017в.** Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире* 13(2): 139–152.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 463–507.
- Царегородцева И. А. 2017.** Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. *Исламские радикальные движения на политической карте мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ* / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 93–111.
- Эйзенштадт Ш. 1999.** *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. 2010.** *История Индии. XX век*. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Яковлев А. И. 2015.** *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного*. М.: Ин-т стран Востока.
- Achilov D. 2015.** When Actions Speak Louder Than Words: Examining Collective Political Protests in Central Asia. *Democratization* 23(4): 699–722.
- Achilov D. 2016.** Revisiting Political Islam: Explaining the Nexus between Political Islam and Contentious Politics in the Arab World. *Social Science Quarterly* 97(2): 252–270.
- Achilov D., Sen S. 2017.** Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.
- Акаев А., Sadovnichy V., Korotayev A. 2012.** On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal* 205: 355–373.
- Amin H. 2017.** *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Lahore: International Islamic University.
- Arrighi G. 2007.** *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.
- Ayoob M. 2009.** *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Bayat A. 2007.** *Islam and Democracy: what is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.
- Bayat A. 2013.** *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY: Oxford University Press.

- Bisk T. 2015.** The War on Islamism. *Lone Actors – An Emerging Security Threat* / Ed. by A. Richman, Y. Sharan. Amsterdam: IOS Press. Pp. 132–145.
- Daly M. W. (Ed.) 1998.** *The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt from 1517 to the End of the Twentieth Century.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Dawisha A. 2016.** *Arab Nationalism in the Twentieth Century: from Triumph to Despair.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Denoeux G. 2002.** The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. *Middle East Policy* 9(2): 56–81.
- Flower R. 1972.** *Napoleon to Nasser. The Story of Modern Egypt.* London: Tom Stacey.
- Frank A. G. 1997.** Asia Comes Full Circle – with China as the ‘Middle Kingdom’. *Humboldt Journal of Social Relations* 76(2): 7–20.
- Frank A. G. 1998.** *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Fuller G. E. 2004.** *The Future of Political Islam.* New York, NY: Macmillan.
- Gelvin J. L. 2008.** *The Modern Middle East: A History.* Oxford: Oxford University Press.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** The Afroeurasian World-System: Genesis, Transformations, Characteristics *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. J. Babones, Ch. Chase-Dunn. London; New York, NY: Routledge. Pp. 30–41.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013a.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House. Pp. 30–68.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013b.** The Origins of Globalization. *Globalization. Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications. Pp. 1–29.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó. Budapest: Publisherhouse Arostotelész. Pp. 184–207.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Hodgson M. G. S. 2009.** *The Venture of Islam.* Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Hooper I. 2015.** *CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of ‘Islamist’.* Council on American-Islamic Relations Press Release (March 11). Washington, DC:

- CAIR. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.
- Hossain A. A. 2016.** Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. *Asian Journal of Political Science* 24(2): 214–236.
- Kelsay J. 2007.** *Arguing the Just War in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ketchley N. 2017.** *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khalidi R. (Ed.). 1991.** *The Origins of Arab Nationalism*. New York, NY: Columbia University Press.
- Korotayev A. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A. 2003.** Religion and Society in Southern Arabia and among the Arabs. *Arabia* 1: 65–76.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective*. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. 2015.** Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2013.** Women in the Islamic Economy: a Cross-Cultural Perspective. *St. Petersburg Annual of Asian and African Studies* 2: 105–116.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Female Labor Force Participation Rate, Islam, and Arab Culture in Cross-Cultural Perspective. *Cross-Cultural Research* 49(1): 3–19.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov E. A. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999.** Origins of Islam: Political-Anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung* 53(3–4): 243–276.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 2003.** Globalizing Trends in the Pre-Modern Islamic World and Modern Globalization. *Globalization and the Dialogue of Civilizations* / Ed. by M. `Ouda et. al. Cairo: Ain Shams University. Pp. 41–70.
- Korotayev A., Zinkina J. 2014.** On the Structure of the Present-day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2): 41–57.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011a.** Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.

- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011b.** Unconditional Convergence among Larger Economies. *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed. by D. Liu. Changchun: The Institute of International Studies – Jilin University. Pp. 70–107.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2012.** Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Globalistics and Globalization Studies* 1: 246–280.
- Kurzman C. 1998.** *Liberal Islam: A Source Book*. New York, NY: Oxford University Press.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.ggdc.net/maddison.
- March A. F. 2015.** Political Islam: Theory. *Annual Review of Political Science* 18: 17.1–17.21.
- Marsot A. 2004.** *A Short History of Modern Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Phillips C. 2016.** *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pew Research Center. 2012.** *Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants. Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life*. Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Poljarevic E. 2015.** Islamism. *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics* / Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford: Oxford Islamic Studies. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.
- Rajaei F. 2007.** *Islamism and Modernism: the Changing Discourse in Iran*. Austin: University of Texas Press.
- Schwedler J. 2011.** Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-moderation Hypothesis. *World Politics* 63(2): 347–376.
- Vatikiotis P. J. 1992.** *The History of Modern Egypt*. 4th ed. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Tibi B. 1997.** *Arab Nationalism: between Islam and the Nation-state*. New York, NY: Springer.
- Tibi B. 2012.** *Islamism and Islam*. New Haven & London: Yale University Press.
- Tibi B. 2013.** The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism: A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies. *Soundings: An Interdisciplinary Journal* 96(4): 431–449.
- Woltering R. A. F. L. 2002.** The Roots of Islamist Popularity. *Third World Quarterly* 23(6): 1133–1143.
- World Bank. 2017.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.